

Биография Чуковского Корнея Ивановича

Корне́й Ива́нович Чуко́вский (настоящее имя — Никола́й Васи́льевич Корнейчуко́в, 19 [31] марта 1882, Санкт-Петербург, — 28 октября 1969, Москва) — русский советский поэт, публицист, литературный критик, переводчик и литературовед, детский писатель, журналист. Отец писателей Николая Корнеевича Чуковского и Лидии Корнеевны Чуковской. По состоянию на 2015 год являлся самым издаваемым в России автором детской литературы: за год было выпущено 132 книги и брошюры тиражом 2,4105 млн экземпляров.

Детство

Николай Корнейчуков, позже взявший себе литературный псевдоним «Корней Чуковский», родился в Санкт-Петербурге 19 (31) марта 1882 года у крестьянки Екатерины Осиповны Корнейчуковой; его отцом был потомственный почётный гражданин Эммануил Соломонович Левенсон (1851—?), в семье которого жила прислугой мать Корнея Чуковского. Их брак формально не был зарегистрирован, так как для этого требовалось крещение отца, но они прожили вместе не менее трёх лет. До Николая родилась старшая дочь Мария (Маруся). Вскоре после рождения Николая отец оставил свою незаконную семью, женился «на женщине своего круга» и переехал в Баку, где открыл «Первое типографское товарищество»; мать Чуковского была вынуждена переехать в Одессу.

Детство Николай Корнейчуков провёл в Одессе и Николаеве. В Одессе семейство поселилось во флигеле, в доме Макри на Новорыбной улице, № 6. В 1887 году Корнейчуковы сменили квартиру, переехав по адресу: дом Баршмана, Канатный переулок, № 3. Пятилетнего Николая отдали в детский сад мадам Бехтеевой, о пребывании в котором он оставил следующие воспоминания: «Мы маршировали под музыку, рисовали картинки. Самым старшим среди нас был курчавый, с негритянскими губами мальчишка, которого звали Володя Жаботинский. Вот когда я познакомился с будущим национальным героем Израиля — в 1888 или 1889 годах!!!». Какое-то время будущий писатель учился во второй одесской гимназии (впоследствии стала пятой). Одноклассником его в ту пору был Борис Житков (в будущем также писатель и путешественник), с которым у юного Корнея завязались дружеские отношения. Окончить гимназию Чуковскому так и не удалось: из пятого класса его отчислили, по его собственным утверждениям, из-за низкого происхождения. Эти события он описал в автобиографической повести «Серебряный герб».

По метрике у Николая и его сестры Марии, как незаконнорождённых, не было отчества; в других документах дореволюционного периода его отчество указывалось по-разному — «Васильевич» (в свидетельстве о браке и крещении сына Николая, впоследствии закрепилось в большинстве поздних биографий как часть «настоящего имени»; дано по крёстному отцу), «Степанович», «Эммануилович», «Мануилович», «Емельянович», сестра Маруся носила отчество «Эммануиловна» или «Мануиловна». С начала литературной деятельности Корнейчуков использовал псевдоним «Корней Чуковский», к которому позже присоединилось фиктивное

отчество — «Иванович». После революции сочетание «Корней Иванович Чуковский» стало его настоящим именем, отчеством и фамилией.

По воспоминаниям К. Чуковского, у него «никогда не было такой роскоши, как отец или хотя бы дед», что в юности и в молодости служило для него постоянным источником стыда и душевных страданий.

Его дети — Николай, Лидия, Борис и умершая в детстве Мария (Мурочка), которой посвящены многие детские стихи отца — носили (по крайней мере, после революции) фамилию Чуковских и отчество Корнеевич/Корнеевна.

Журналистская деятельность до Октябрьской революции

С 1901 года Чуковский начал писать статьи в «Одесских новостях». В литературу Чуковского ввёл его близкий гимназический друг, журналист В. Е. Жаботинский. Жаботинский также был поручителем жениха на свадьбе Чуковского и Марии Борисовны Гольдфельд.

Затем в 1903 году Чуковский, как единственный корреспондент газеты, знающий английский язык (которому обучился самостоятельно по «Самоучителю английского языка» Олендорфа), и соблазнившись высоким по тем временам окладом — издатель обещал 100 рублей ежемесячно — отправился корреспондентом «Одесских новостей» в Лондон, куда выехал с молодой женой. Кроме «Одесских новостей» английские статьи Чуковского публиковались в «Южном обозрении» и в некоторых киевских газетах. Но гонорары из России поступали нерегулярно, а затем и вовсе прекратились. Беременную жену пришлось отправить обратно в Одессу. Чуковский подрабатывал перепиской каталогов в Британском музее. Зато в Лондоне Чуковский основательно ознакомился с английской литературой — прочитал в оригинале Диккенса, Теккерея.

Вернувшись в Одессу в конце 1904 года, Чуковский поселился с семьёй на улице Базарной № 2 и окупился в события революции 1905 года. Чуковский оказался захвачен революцией. Он дважды посетил восставший броненосец «Потёмкин», кроме прочего приняв письма к близким у восставших моряков. В Петербурге начал издавать сатирический журнал «Сигнал». Среди авторов журнала были такие известные писатели как Куприн, Фёдор Сологуб и Тэффи. После четвёртого номера его арестовали за «оскорбление величества». Его защищал знаменитый адвокат Грузенберг, добившийся оправдания. Чуковский находился под арестом 9 дней.

В 1906 году Корней Иванович приехал в финское местечко Куоккала (ныне Репино, Курортный район (Санкт-Петербург)), где свёл близкое знакомство с художником Ильёй Репиным и писателем Короленко. Именно Чуковский убедил Репина серьёзно отнестись к своему писательству и подготовить книгу воспоминаний «Далёкое близкое». В Куоккале Чуковский прожил около 10 лет. От сочетания слов Чуковский и Куоккала образовано «Чукоккала» (придумано Репиным) — название рукописного юмористического альманаха, который Корней Иванович вёл до последних дней своей жизни.

В 1907 году Чуковский опубликовал переводы Уолта Уитмена. Книга стала популярной, что увеличило известность Чуковского в литературной среде. Чуковский стал влиятельным критиком, насмешливо отзываясь о популярных в то время произведениях массовой литературы: книгах Лидии Чарской и Анастасии Вербицкой, «Пинкертоновщине» и других, остроумно защищал футуристов — как в статьях, так и в публичных лекциях — от нападков традиционной критики (познакомился в Куоккале с Маяковским и в дальнейшем с ним прятельствовал), хотя сами футуристы далеко не всегда были ему за это благодарны; выработывал собственную узнаваемую манеру (реконструкция психологического облика писателя на основании многочисленных цитат из него).

В 1916 году Чуковский с делегацией Государственной думы вновь посетил Англию. В 1917 году вышла книга Паттерсона «С еврейским отрядом в Галлиполи» (о еврейском легионе в составе британской армии) под редакцией и с предисловием Чуковского.

После революции Чуковский продолжал заниматься критикой, издав две наиболее знаменитые свои книги о творчестве современников — «Книга об Александре Блоке» («Александр Блок как человек и поэт») и «Ахматова и Маяковский». Обстоятельства советского времени оказались неблагоприятны для критической деятельности, и Чуковскому пришлось этот свой талант «зарыть в землю», о чём он впоследствии сожалел.

Литературоведение

В 1908 году опубликованы его критические очерки о писателях Чехове, Бальмонте, Блоке, Сергееве-Ценском, Куприне, Горьком, Арцыбашеве, Мережковском, Брюсове и других, составившие сборник «От Чехова до наших дней», выдержавший в течение года три издания.

С 1917 года Чуковский принялся за многолетний труд о Некрасове, его любимом поэте. Его стараниями вышло первое советское собрание стихотворений Некрасова. Чуковский закончил работу над ним только в 1926 году, переработав массу рукописей и снабдив тексты научными комментариями. Монография «Мастерство Некрасова», вышедшая в 1952 году, много раз переиздавалась, а в 1962 году Чуковский был удостоен за неё Ленинской премии. После 1917 года удалось опубликовать значительную часть стихов Некрасова, которые либо были ранее запрещены царской цензурой, либо на них было наложено «вето» правообладателями. Примерно четверть известных в настоящее время стихотворных строк Некрасова была введена в оборот именно Корнеем Чуковским. Кроме того, в 1920-е годы им были обнаружены и изданы рукописи прозаических сочинений Некрасова («Жизнь и похождения Тихона Тросникова», «Тонкий человек» и других).

Помимо Некрасова, Чуковский занимался биографией и творчеством ряда других писателей XIX века (Чехова, Достоевского, Слепцова), чему посвящена, в частности, его книга «Люди и книги шестидесятих годов», участвовал в подготовке текста и редактировании многих изданий. Самым близким себе по духу писателем Чуковский считал Чехова.

Детские стихи и сказки

Увлечение детской словесностью, прославившее Чуковского, началось сравнительно поздно, когда он был уже знаменитым критиком. В 1916 году Чуковский составил сборник «Ёлка» и написал свою первую сказку «Крокодил». В 1923 году вышли его знаменитые сказки «Мойдодыр» и «Тараканище», в 1924 году «Бармалей».

Несмотря на то, что сказки были напечатаны большим тиражом и выдержали множество изданий, они не вполне отвечали задачам советской педагогики. В феврале 1928 года в «Правде» была опубликована статья заместителя народного комиссара просвещения РСФСР Н. К. Крупской «О „Крокодиле“ Чуковского»: «Такая болтовня — неуважение к ребёнку. Сначала его манят пряником — весёлыми, невинными рифмами и комичными образами, а попутно дают глотать какую-то муть, которая не пройдёт бесследно для него. Я думаю, „Крокодила“ ребятам нашим давать не надо...»

В это время в среде партийных критиков и редакторов вскоре возникает термин — «чуковщина». Восприняв критику, Чуковский в декабре 1929 года в «Литературной газете» публикует письмо, в котором «отречётся» от старых сказок и заявит о намерениях изменить направление своего творчества, написав сборник стихов «Весёлая колхозия», однако обещания своего не сдержит. Сборник так и не выйдет из-под его пера, а следующая сказка будет написана только через 13 лет.

Несмотря на критику «чуковщины», именно в этот период в ряде городов Советского Союза устанавливаются скульптурные композиции по мотивам сказок Чуковского. Наиболее известен фонтан «Бармалей» («Детский хоровод», «Дети и крокодил») работы видного советского скульптора Р. Р. Иодко, установленный в 1930 году по типовому проекту в Сталинграде и других городах России и Украины. Композиция представляет собой иллюстрацию к одноимённой сказке Чуковского. Сталинградский фонтан прославится как одно из немногих сооружений, уцелевших во время Сталинградской битвы.

В жизни Чуковского к началу 1930-х годов появилось ещё одно увлечение — изучение психики детей и того, как они овладевают речью. Он записал свои наблюдения за детьми, за их словесным творчеством в книге «От двух до пяти» (1933).

Другие произведения

В 1930-е годы Чуковский много занимался теорией художественного перевода («Искусство перевода» 1936 года переиздали перед началом войны, в 1941 году, под названием «Высокое искусство») и собственно переводами на русский язык (М. Твен, О. Уайльд, Р. Киплинг и другие, в том числе в форме «пересказов» для детей).

Начинает писать мемуары, над которыми работал до конца жизни («Современники» в серии «ЖЗЛ»). Посмертно опубликованы «Дневники 1901—1969».

В годы войны эвакуирован в Ташкент. Младший сын Борис погиб на фронте.

Как доносил НКГБ в ЦК, в годы войны Чуковский высказывался: «...Всею душой желаю гибели Гитлера и крушения его бредовых идей. С падением нацистской деспотии мир демократии встанет лицом к лицу с советской деспотией. Будем ждать».

1 марта 1944 года в газете «Правда» вышла статья П. Юдина «Пошлая и вредная стряпня К. Чуковского», в которой был устроен разбор изданной в 1943 году в Ташкенте книги Чуковского «Одолеем Бармалея» (Айболития ведёт войну со Свирепией и её царем Бармалеем), и книга эта признавалась в статье вредной:

Сказка К. Чуковского — вредная стряпня, которая способна исказить в представлении детей современную действительность.

«Военная сказка» К. Чуковского характеризует автора, как человека, или не понимающего долга писателя в Отечественной войне, или сознательно опошляющего великие задачи воспитания детей в духе социалистического патриотизма.

Чуковский и Библия для детей

В 1960-е годы К. Чуковский задумал пересказ Библии для детей. К этому проекту он привлёк писателей и литераторов и тщательно редактировал их работу. Сам проект был очень трудным в связи с антирелигиозной позицией советской власти. В частности, от Чуковского потребовали, чтобы слова «Бог» и «евреи» не упоминались в книге; силами литераторов для Бога был придуман псевдоним «Волшебник Яхве». Книга под названием «Вавилонская башня и другие древние легенды» была издана в издательстве «Детская литература» в 1968 году. Однако весь тираж был уничтожен властями. Обстоятельства запрета издания позже описывал Валентин Берестов, один из авторов книги: «Был самый разгар великой культурной революции в Китае. Хунвейбины, заметив публикацию, громогласно потребовали размозжить голову старому ревизионисту Чуковскому, засоряющему сознание советских детей религиозными бреднями. Запад откликнулся заголовком „Новое открытие хунвейбинов“, а наши инстанции отреагировали привычным образом». Книга была опубликована в 1990 году.

Последние годы

В последние годы Чуковский — всенародный любимец, лауреат ряда государственных премий и кавалер орденов, вместе с тем поддерживал контакты с диссидентами (Александр Солженицын, Литвиновы, видным правозащитником была также его дочь Лидия). На даче в Переделкине, где он постоянно жил последние годы, он устраивал встречи с окрестными детьми, беседовал с ними, читал стихи, приглашал на встречи известных людей, знаменитых лётчиков, артистов, писателей, поэтов. Переделкинские дети, давно ставшие взрослыми, до сих пор вспоминают эти детские посиделки на даче Чуковского.

В 1966 году подписал письмо 25 деятелей культуры и науки генеральному секретарю ЦК КПСС Л. И. Брежневу против реабилитации Сталина.

Умер Корней Иванович 28 октября 1969 года от вирусного гепатита. На даче в Переделкине, где писатель прожил большую часть жизни, ныне действует его музей.

Из воспоминаний Ю. Г. Оксмана:

«Лидия Корнеевна Чуковская заранее передала в Правление московского отделения Союза писателей список тех, кого её отец просил не приглашать на похороны. Вероятно, поэтому не видно Аркадия Васильева и других черносотенцев от литературы. Прощаться пришло очень мало москвичей: в газетах не было ни строки о предстоящей панихиде. Людей мало, но, как на похоронах Эренбурга, Паустовского, милиции — тьма. Кроме мундирных, множество «мальчиков» в штатском, с угрюмыми, презрительными физиономиями. Мальчики начали с того, что оцепили кресла в зале, не дают никому задержаться, присесть. Пришёл тяжело больной Шостакович. В вестибюле ему не позволили снять пальто. В зале запретили садиться в кресло. Дошло до скандала.

Гражданская панихида. Заикающийся С. Михалков произносит выпендренные слова, которые никак не вяжутся с его равнодушной, какой-то даже наплевательской интонацией: «От Союза писателей СССР...», «От Союза писателей РСФСР...», «От издательства „Детская литература“...», «От Министерства просвещения и Академии педагогических наук...» Всё это произносится с глупой значительностью, с какой, вероятно, швейцары прошлого века во время разъезда гостей вызывали карету графа такого-то и князя такого-то. Да кого же мы хороним, наконец? Чиновного бонзу или жизнерадостного и насмешливого умницу Корнея? Отбарабанила свой «урок» А. Барто. Кассиль исполнил сложный словесный пируэт для того, чтобы слушатели поняли, насколько он лично был близок покойному. И только Л. Пантелеев, прервав блокаду официозности, неумело и горестно сказал несколько слов о гражданском лике Чуковского. Родственники Корнея Ивановича просили выступить Л. Кабо, но когда в переполненном помещении она присела к столу, чтобы набросать текст своего выступления, к ней подошёл генерал КГБ Ильин (в миру — секретарь по оргвопросам Московской писательской организации) и корректно, но твёрдо заявил ей, что выступать ей не позволит.»

Похоронен на кладбище в Переделкине.